

— В метель и вьюгу ты не жаловался на холод!

Но Мо Ли не мог этого сказать, ведь сам только что упомянул, что на улице еще холодно, и велел Мэн Ци одеться. Теперь он сам попал в ловушку, которую Мэн Ци для него приготовил!

Мо Ли успокоил дыхание и продолжил путь с бесстрастным лицом.

Благородный муж говорит, а не действует.

Если не можешь переспорить, можно просто уйти!

— Лекарь, подожди, — Мэн Ци сразу же подошел и серьезно сказал:

— Поклажа здесь, и кошелек тоже со мной!

— Если песчанка такая способная, то поклажа ее не обременяет, — Мо Ли даже не обернулся, продолжая идти. — А что до кошелька, что с того, если он пропадет? У меня есть горсть монет, которые тот человек выбросил.

Спустившись с холма, Мэн Ци увидел Ли Кун'эра.

— Так ты взял его с собой? — Мэн Ци не планировал брать этого человека с собой, поэтому предложил:

— Ладно, оставлять его здесь тоже не вариант, лучше отвезти в уезд Цюн и бросить там.

Мэн Ци смотрел на Ли Кун'эра, как на старый мешок, с еще большим презрением, чем к броне из золотых нитей.

Мо Ли не мог не спросить:

— Кто он такой?

Мэн Ци рассказал о связи брони из золотых нитей с Вратами Пустоты и добавил:

— Ради славы первого вора Поднебесной, Ли Кун'эра, они готовы украсть броню из золотых нитей и приложить все усилия, чтобы найти слабости Храма Сокрытого Ветра, отдавая всю душу своей школе.

Сказав это, он усмехнулся с презрением.

— ...Но это всего лишь два эгоистичных негодяя. Какая там слава школы, это просто их личная слава, наслаждение славой первого вора Поднебесной. Такие негодяи в случае опасности без колебаний нарушат обещания, бросят соратников и предадут друзей, лишь бы спасти себя. Хотя нам не хватает помощников против старого предка Цинъю, мы не станем связываться с такими людьми!

Мо Ли не возражал.

На самом деле его стандарты были даже выше, чем у Мэн Ци. Таких воров, как Ли Кун'эр, он считал просто ворами, если только они не были преданными и справедливыми, как в легендах, или не крали ради забавы, чтобы потом вернуть украденное.

— А кто такой старый конфуцианец, который схватил Чжан Дэцзы и убил всех в игорном доме и ломбарде?

— Говорят, он старейшина Школы Весенней Горы.

Ответ Мэн Ци был почти бесполезен, так как оба они не знали, где находится Школа Весенней Горы и чем она занимается.

— Это зловещая секта?

— Судя по его боевым приемам, возможно, — Мэн Ци знал только о даосах, вышедших из мира, и, подумав, спросил Мо Ли:

— Ты тоже сражался с ним. Как ты думаешь, кто сильнее — он или Сюэ Тин?

Сюэ Тин был уездным начальником Чжушаня.

Мо Ли покачал головой:

— Хотя он использует яды, я не вижу у него глубокого понимания ядов. К тому же я никогда не сражался с господином Сюэ, так что не знаю, насколько он силен.

На этот раз удивился Мэн Ци.

— Никогда не сражались? Даже легкого поединка не было? Наставлений тоже?

— ...Нет.

Мо Ли подумал, что если бы он пошел драться с господином Сюэ, это было бы неуместно.

Поединки — это дело господина Циня и господина Сюэ. К тому же уездный начальник Сюэ занят делами, он не из тех, кто целыми днями ничего не делает.

Мэн Ци задумчиво сказал:

— Тогда трудно оценить силу старейшины Сун Я в мире.

Цзиньвэй династии Ци тайно выяснили, что ядовитый гриф-призрак — это Сюэ Тин, и у них было много подробной информации о нем. Мэн Ци, долгие годы преследовавший тайных агентов Цзиньвэй, слышал немало и знал, что Сюэ Тин в свое время не знал поражений в мире.

Трудно сказать, насколько он силен в боевых искусствах, но звание мастера ядов он заслужил по праву.

— Кстати, где сейчас этот старейшина Школы Весенней Горы? — Мо Ли предположил, что он не умер.

Мэн Ци, используя имя, которое давно не упоминалось, надеялся, что кто-то его распространит, но нужно было соблюдать меру: Сун Я должен был говорить, но не слишком много.

— Тяжело ранен! — Мэн Ци небрежно сказал. — Я сломал его правую ключицу, он, пытаясь спастись, усилил свою внутреннюю силу, но получил отдачу и выплюнул половину жизни. Я оставил в нем скрытый импульс, и хотя он действительно силен и смог уйти, но максимум через полчаса это проявится. Если у него нет редких сокровищ или чудодейственных лекарств, он не выживет, хватит только на несколько слов.

Государственный наставник Мэн с улыбкой намекнул:

— Как ты думаешь, он расскажет, что тайком пришел в деревню за броней из золотых нитей и в итоге сам попал в ловушку?

Люди мира дорожат своей репутацией, даже перед смертью.

— Не волнуйся, даже если он чудом выживет и захочет вернуться для мести, ему сначала нужно будет разобраться с собственными проблемами. Разве у него нет врагов, которые захотят отомстить, пока он ранен? А Школа Весенней Горы и другие в мире, скорее всего, больше интересуются судьбой брони из золотых нитей.

Сказав это, Мэн Ци хотел схватить без сознания Ли Кун'эра, но Мо Ли опередил его.

Затем он, глядя на спину Мо Ли, не мог сдержать улыбки.

Лекарь тоже бывает забавным, когда злится.

Когда нужно говорить о серьезных вещах, он продолжает говорить, но, несмотря на слова, что не будет вмешиваться, все равно берет на себя часть «тяжести». Если бы Мо Ли не относился к нему как к пациенту, а это было бы что-то другое, было бы еще лучше.

Мэн Ци тихо вздохнул, затем посмотрел на свою грудь и живот.

Разве снять одежды недостаточно? По словам канцлера Дэна и маркиза Цзинъюаня, его телосложение достойно восхищения, так почему Мо Ли никак не реагирует?

Может быть, дух горы и люди смотрят на вещи по-разному?

Мэн Ци вдруг вспомнил о своем облике песчанки.

Поскольку у него не было воспоминаний о превращении в песчанку, он не мог понять, почему он, дух горы Заоблачной, превратился в такое существо. Может быть, только ради того, чтобы подслушивать?

Среди горных существ ценится мощное телосложение.

Но зачем песчанке быть мощной?

Знаете, как трудно контролировать свое тело, чтобы оно не тряслось при ходьбе?

Мэн Ци очень старался, но это было утомительно.

— ...Брат Мэн?

Мо Ли нахмурился, о чем он так задумался?

Мэн Ци очнулся и быстро перебрал в голове причины, по которым Мо Ли мог быть недоволен. Кроме того, что он подставил его, это могло быть его самовольное ношение брони из золотых нитей и уход с проблемой.

На этот счет Мэн Ци был уверен, что сможет убедить Мо Ли.

— Я подумал и решил, что использовать имя «Мэн Ци» имеет много преимуществ.

— О? Расскажи подробнее, — Мо Ли повернул голову, хотя уже догадывался.

Старый предок Цинью тоже был даосом, и ничто не могло напугать его больше, чем имя Мэн Ци.

Логика есть логика, а эмоции — это эмоции.

Мэн Ци уверенно продолжил:

— В мире я никому не известен, и даже с титулом государственного наставника люди думают, что я самозванец, ведь по возрасту я должен быть восьмидесятилетним стариком, но...

Мо Ли смотрел в пустоту, не слыша последних слов.

Он вдруг подумал о господине Цине.

Если бы господин Сюэ узнал о личности Мэн Ци и в ужасе рассказал господину Цинь Лу, а тот узнал, что человек его возраста преследует его ученика, и что ученик привел его в уезд Чжушань, как бы он отреагировал?

Мо Ли почувствовал странную вину.

Мэн Ци молчал.

Сначала я отвлекся, теперь ты отвлекся, неужели так трудно обсудить дело?

Второе февраля, праздник молитвы о дожде.

Это было около пробуждения насекомых, время, когда для весеннего посева нужен дождь, и почти в каждом доме ждали дождя.

Если в Цзяннани праздник молитвы о дожде больше похож на народный обычай, обычно устраивали ярмарку, молились, а потом возвращались домой готовить лепешки и лапшу, то в провинции Юн второе февраля было важным днем.

Здесь дождей всегда было меньше, чем в соседних провинциях, а в последние годы засуха усилилась. Чем серьезнее была засуха, тем больше люди надеялись на милость небес, боясь, что их молитвы недостаточно искренни.

Случайно проезжавшие мимо люди из мира в итоге сделали несколько хороших дел.

В некоторых отдаленных и невежественных деревнях, поверив словам местных колдуний, убивали молодых девушек в жертву дракону.

Они наряжали девушек и запирали в храме дракона, а на следующий день убивали их во время жертвоприношения.

<http://bllate.org/book/15299/1351884>